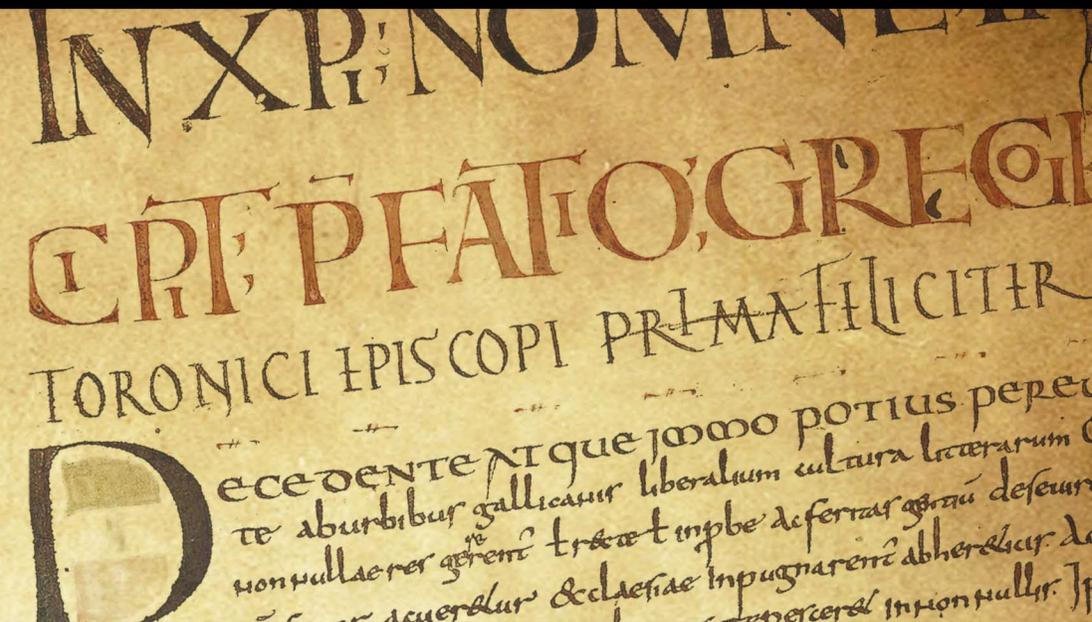

Д. Н. Старостин

ОТ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ к Раннему Средневековью

ФОРМИРОВАНИЕ
СТРУКТУР ВЛАСТИ И ЕЕ ОБРАЗОВ
В КОРОЛЕВСТВЕ ФРАНКОВ
В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ МЕРОВИНГОВ
(V-VIII вв.)

УДК 94(430).014

ББК 63.3(0)4

C77

Старостин Д. Н.

C77 От Поздней Античности к Раннему Средневековью: Формирование структур власти и ее образов в королевстве франков в период правления Меровингов (V–VIII вв.). — М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. — 488 с.

ISBN 978-5-4469-1217-9

Переход от Античности к Средневековью явился одним из важнейших цивилизационных поворотов, в рамках которого цивилизация Средиземноморья и находившиеся на ее границах варвары смогли найти способы адаптации друг к другу и создать основу для синтеза новых цивилизационных начал, на которых впоследствии возникла цивилизация Средневековья. Таким образом, королевство франков целесообразней рассматривать не как осевшее на римской почве племенное образование и не как союз франкских и галло-римских элементов. Созданные современниками образы королевства франков, которые возникают перед нами в результате исследования исторических сочинений, агиографической литературы и судебных протоколов, представляют собой не «варварскую» или «римскую» (и не их синтез), а «провинциальную» систему представлений, одинаково понятную как галло-римлянам, так и меровингским правителям и их окружению. Таким образом, процесс романо-германского синтеза видится иначе — как слияние двух культур, у которых был общий знаменатель в виде «провинциальной» политической и правовой культуры. Варварские королевства занимали особое место в раннесредневековом историческом процессе — они были не только зародышем нового, средневекового порядка, но и особым феноменом, корни которого уходили в самосознание римского «пограничья», в особую, не до конца романизовавшуюся культуру римских провинций.

На обложке:

Heidelberg, Universitätsbibliothek, Cod. Pal. lat. 864, Gregorius <Turonensis> ;
(Ps.-)Fredegarius. Fol 1v.

ISBN 978-5-4469-1217-9

© Д. Н. Старостин, 2017

© Издательство «Нестор-История», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Источники	19

Глава 1

Центр и периферия: Галлия в структуре власти Поздней Римской империи и становление региональной идентичности

1.1. Проблемы регионализации Римской империи: тетрархия, магнаты, узурпаторы и делегирование власти на места	32
1.2. Создание региональных структур власти в IV в. и регионализация сознания: Юлиан Отступник и Аммиан Марцеллин	43
1.3. Имперская церковь и церковь Галлии: Галлия как самостоятельный регион глазами епископата и церковных историков	56
1.4. От Римской империи к христианской провинции: Концепция истории и образ Галлии у Сульпиция Севера	86
Выводы	97

Глава 2

Reges et rhetores: Меровинги глазами историков и рецепция античных традиций историописания

2.1. «Абсолютизм» Хлодвига и основание франкского королевства	103
2.1.1. История исследования франкского королевства в Раннее Новое, Новое и Новейшее время	103
2.1.2. Григорий Турский: Становление королевства франков в историографической традиции	116
2.1.3. Франки и их отношения с Римской империей в Галлии ..	131

2.1.4. Становление королевства франков в V в. в контексте перехода от Поздней Античности к Средневековью. Франки в середине V в. и проблемы формирования королевской власти в контексте позднеантичных провинций.	143
2.1.5. Начало франкской истории глазами галльских и византийских историков: Варвары и романизация в контексте взаимоотношений Восточно-Римской (Византийской) империи и западного Средиземноморья.	157
2.1.6. Григорий Турский и Хлодвиг: Проблема исторического подхода.	181
2.1.7. Крещение Хлодвига, образ Константина Великого и смысл истории Григория Турского: «Церковная история» как жанр и ее адаптация к раннесредневековым реалиям.	199
2.2. Хлодвиг и Константин Великий: Образ христианского императора и его адаптация на Западе.	216
2.3. Консолидация власти и <i>concordia principum</i> во второй половине VI в. глазами современника	251
2.3.1. Трансформация систем власти после Хлодвига: Нейстрия и Австразия.	251
2.3.2. Королевство франков в системе взаимоотношений Средиземноморья.	258
2.3.3. Род, семья, династия.	265
2.3.4. <i>Regnum</i> и окружение короля.	285
2.3.5. Согласие и мир в Галлии как историческая концепция Григория Турского.	295
2.4. Увядание или стабильность: Франкское королевство в VII–VIII вв. и его образ в исторических сочинениях	307
2.5. Заключение: Трансформация образа Мерovingской власти в исторических сочинениях	322

Глава 3

Regnum et sacerdotium: Королевская власть и ее основания в эпоху распространения монашества

3.1. Королевская власть и распространение монашества в VII–VIII вв.	332
3.1.1. Распространение монашества и создание агиографического канона в Галлии в IV–VI вв.	332

3.1.2. Агиографические сочинения начала VII в. и влияние «ирландского монашества» на распространение монастырей в Европе	339
3.1.3. Эдуэн Руанский и Элигий Нойонский: Епископы, монастыри и королевский двор	348
3.2. «Королевские монастыри» в мерovingскую эпоху: пример Сен-Дени	361
3.3. Заключение: Сакральность королевской власти и распространение монастырей	380

Глава 4

Rex aut iudex:

Судебные прерогативы короля и проблемы власти Мерovingов

4.1. Судебная власть короля и позднеантичное наследие	383
4.2. Судебные протоколы Мерovingской Нейстрии: Происхождение и особенности	389
4.3. Королевская власть, знать и монастыри на примере протоколов королевского суда	396
4.4. Политика согласия и король как арбитр	405
4.5. Заключение: Судебные протоколы и их функции	416
Заключение. Образы власти в эпоху Мерovingов и их трансформация	419

Список сокращений	433
Источники	436
Список литературы	443

Глава 1

ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ: ГАЛЛИЯ В СТРУКТУРЕ ВЛАСТИ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И СТАНОВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

1.1. Проблемы регионализации Римской империи: тетрархия, магнаты, узурпаторы и делегирование власти на места

В течение долгого времени история Раннего Средневековья и сложившихся в этот период королевств рассматривалась сквозь призму событий, связанных с падением Римской империи на Западе в 476 г. С течением времени историки выдвинули принципиально противоположные точки зрения на проблему перехода от Поздней Античности к Средним векам.

Ряд исследователей развили идею о «падении» Римской империи, по-разному характеризуя этот процесс и предлагая различные его трактовки. Основу данной концепции заложили еще итальянские гуманисты Леонардо Бруни, Флавио Бьондо и Помпоний Лето¹. Наибольшее развитие она получила в труде Э. Гиббона, в котором распространение христианства называлось главной причиной ослабления и затем падения империи на Западе². Эта концепция надолго завоевала ключевые позиции в историописании Римской империи³. В XIX–XXI вв. многие исследователи занимались вопросом падения империи. Например, М. И. Ростовцев и Л. фон Мизес во главу угла ставили экономические проблемы, связанные с требованиями поддержания аппарата и военных кампаний Римской империи⁴. Другие считали основной причиной упадка постоянные гражданские войны, в которых участвовали римские легионы⁵. В рамках выдвинутой ими

¹ Flavius Blondus. *Historiarum ab Inclinatione Romanorum Libri XXXI*. Vol. 1. Basileae: Officina Frobeniana, 1531. P. 10.

² Gibbon E. *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*: In 20 vols. Vol. 2. London: Lackington, Allen, Co., 1777.

³ Bury. *A History of the Later Roman Empire*. Vol. 1. P. 137–160.

⁴ Rostovzeff M. I. *The Social and Economic History of the Roman Empire*. Oxford: Clarendon Press, 1926; Mises L. von. *Human Action: A Treatise on Economics*. New Haven: Yale University Press, 1963.

⁵ Goldsworthy A. K. *The Complete Roman Army*. New York, N. Y.: Thames & Hudson, 2003.

концепции варвары, проникавшие на территорию Римской империи, виделись как ее враги, а варварские королевства — как антитеза римскому устройству власти и образу жизни. По этой причине историки обращали внимание главным образом на те особенности варварских образований, которые можно было противопоставить римским порядкам. Отсюда возникли и в течение долгого времени развивались концепции «вторжения», «завоевания», подчеркивавшие в первую очередь принципиально иной характер власти в варварских королевствах, а именно ее «германские» особенности. Концепция «романо-германского синтеза» не смогла полностью избавить исследователей от выстраивания антитезы «империя — варварские королевства», хотя ее разработка позволила в значительной степени обратить внимание на сохранение римских традиций и на их влияние на общество и власть Раннего Средневековья.

Были и такие исследователи, которые настаивали, что римские порядки долго сохранялись и после падения Римской империи. Третья группа историков, пытаясь совместить противоположные точки зрения, объединяла Позднюю Античность и Раннее Средневековье в единый период. Таким образом, в некоторых концепциях перехода от Античности к Средневековью проблема отличий между римскими и варварскими порядками потеряла свою актуальность. В ряде работ было указано, что местному населению и знати стало экономически невыгодно поддерживать Римскую империю, и они стали поощрять попытки отдельных военных командиров создать местную структуру власти, независимую от всей Средиземноморской империи. Так на смену проблеме противостояния римской и варварской культур пришла проблема соотношения в рамках самой Римской империи различных взглядов на роль центростремительных тенденций и места отдельных регионов в структуре власти империи.

Различие в оценках процесса регионализации Римской империи имеет непосредственное отношение к пониманию основных проблем перехода от Античности к Средневековью. В частности, усиление власти провинций и появление узурпаторов рассматривалось сторонниками идеи упадка средиземноморских политических структур как признак ослабления не только центральной власти, но и римских порядков в целом. Однако в концепциях, которые не рассматривали исчезновение императора на Западе после 476 г. как ключевое историческое событие, процесс регионализации приобрел совершенно другой

смысл. Попытки узурпации власти, появление у знати и других жителей провинций самосознания и новых, отличных от традиционных для Рима представлений о месте провинций в системе власти Средиземноморской империи стали рассматриваться исследователями не как признак слабости, а как позитивный знак.

В свете новых исследований представляется, что изучение сложившихся в варварских королевствах форм власти следует начинать с обращения к позднеантичному римскому наследию, которое было использовано в процессе построения раннесредневекового общества. В частности, особый интерес вызывает формирование в начале существования Римской империи представления о сущности и формах императорской власти, которое было отлично от представлений республиканской эпохи. По сути, практика власти в Средиземноморье была во многом создана заново, когда в Риме после гражданских войн были сделаны попытки объединить общество на основании новых принципов власти. Ряд новых исследований показал, что структуры и репрезентации власти в империи не только были однажды фактически созданы вновь, но и претерпевали постоянные трансформации. Работа по исследованию места императора в системе власти империи, выполненная без использования каких-либо заранее заданных исторических или социологических концепций, показала, что они существовали в системе отношений «петиция — ответ». Фактически их деятельность по управлению империей не имела систематического характера и сводилась подчас к реагированию на просьбы со стороны заинтересованных слоев населения⁶. Формальное положение императора имело мало значения, потому что высокое положение и отдаленность от толпы подчас делали императора сильно зависимым от быстро сменяющейся и нестабильной политической ситуации. Это привело к тому, что императоры стали снова искать у толпы признания. В частности, показательным является пример императора Феодосия II, который босым возглавлял процессии христиан в Константинополе. Когда двигаться выше было уже некуда, императоры, наоборот, шли «в народ», чтобы этим усилить свое положение⁷. Парадоксальным образом необходимость постоянно давать ответы на петиции и ситуации, как это было

⁶ Millar F. *The Roman Near East, 31 B. C. — A. D. 337*. Cambridge, 1993.

⁷ Kelly C. *Stooping to Conquer: The Power of Imperial Humility // Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity* / ed. C. Kelly. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 243.

в истории с Феодосием II, показывала сложность положения императора и необходимость постоянно доказывать свой статус.

Модель организации власти, присущая традиционным обществам и состоящая из трех типов власти — сакральной, военной и судебной, — была во многом характерна и для римлян. Особенно наглядно эта модель проявилась в период гражданских войн, когда социальное устройство и структуры испытали чудовищное напряжение. В частности, Октавиан Август на своей стеле, установленной на построенном им же форуме, повелел запечатлеть рассказ о своем триумфе, повествующий, как он примирил враждующие стороны, наказал своих врагов и помиловал тех из них, кто предпочел добровольно сдаться и признать свою вину в продолжении гражданского конфликта⁸. В описываемой Октавианом Августом модели своей власти можно заметить интересное и непривычное сочетание трех составляющих, обычно стоявших наособицу: сакрального правителя, функция которого состояла в том, чтобы обеспечить процветание своего социума, военного предводителя, лично добившегося поражения своих врагов, и одновременно судьи, который восстановил справедливость и прекратил гражданские войны. Интересно, что эта новая многоплановая роль, которую попытался присвоить себе Август, не была однозначно принята его современниками. Вергилий, характеризуя Энея, героя своей знаменитой «Энеиды», написал, что хотя тот и считался основоположником Рима, он никогда не был человеком, который мог бы претендовать на звание «справедливого». Знаменитый поэт полагал, что смерть Дидоны должна быть на его совести, поскольку он покинул ее, вняв воле Юпитера, возвещенной ему Меркурием. Описывая, как Эней должен был открыть храм бога ярости, Вергилий тем самым подчеркивал, что тот заложил в основу Римской империи несправедливость и гнев, которые были исправлены только лишь деяниями Августа⁹.

Развитие структур и представлений о власти в Римской империи в течение нескольких столетий было процессом, затронувшим все аспекты общественного развития. Императоры и их окружение способствовали выработке образа императорской власти, с тем чтобы подчеркнуть независимость самих имперских структур, т.е.

⁸ *Scriptores Historiae Augustae* / transl. D. Magie. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1932. P. 235. (Loeb Classical Library. 263).

⁹ *P. Vergili Maronis Aeneis*. Gotha: F.A. Perthes, 1901. 4. P. 222–237.

императорского двора с его канцеляриями, системы гражданской власти во главе с губернаторами и префектами и системы военной власти в лице командующих, от того полисного устройства, которое составляло основу средиземноморского общества с древности¹⁰. Например, Тиберий попытался отделить императорскую власть от Рима и поставить в нем строгого префекта, чтобы ограничить влияние патрицианских семей этого города на императорскую власть¹¹. Клавдий, как умелый администратор, способствовал возникновению административной системы империи, образовав канцелярии и аппарат власти при императорском дворе и в провинциях. Создание империи сопровождалось изменениями в структурах власти и представлениях о ней. Сам статус императора вырос, как считается, из понятия *princeps senatus*, которое было характерно для Рима времен Республики. Этим титулом обозначался человек, который в силу своего возраста и опыта считался старейшиной сената и мог в силу своего морального авторитета и подчас данных ему определенных привилегий руководить собранием знати. Однако в начале существования империи, а именно при императоре Августе (27 до н. э. — 14 н. э.), этот термин был полностью определен заново, и им стал именоваться сам император¹². Статус императора в качестве *princeps* вряд ли воспринимался римлянами как часть старых представлений о сенате. Более того, императоры часто добавляли к своему титулу дополнительные, например Калигула носил титул *Germanicus*, а Клавдий — *Britannicus*¹³. Таким образом, с начала своего существования императоры стремились к тому, чтобы их воспринимали как независимую от республиканских традиций власть, хотя, безусловно, много делалось и для того, чтобы, наоборот,

¹⁰ Demandt. *Geschichte der Spätantike*. S. 182–240; Eich P. *Centre and Periphery: Administrative Communication in the Roman Imperial Times* // *Rome, a City and Its Empire in Perspective: The Impact of the Roman World Through Fergus Millar's Research* / ed. S. Benoist. Leiden: Brill, 2012. P. 102.

¹¹ Suetonius. *Life of Tiberius*. 60, 62, 63, 64 // *The Lives of the Twelve Caesars* / transl. J. Gavorse. New York, 1931.

¹² Это утверждение, впервые высказанное в полемическом тоне Т. Моммзеном в статье *Mommsen T. Über den princeps senatus. Ein Nachtrag* // *Rheinisches Museum*. 1864. Bd. 19. S. 455–457, послужило уже в XIX в. поводом для огромной дискуссии, которую нет смысла воспроизводить в данном исследовании. Для целей настоящей работы важно отметить, что этот термин мог восприниматься двояко, и как знак новаторства, и как знак преемственности. Grant M. *History of Rome*. New York, 1978. P. 62.

¹³ Demandt. *Geschichte der Spätantike*. S. 189.

закрепить образ поддерживающего эту традицию правителя. Фактически, именно поэтому начал складываться культ императора¹⁴. Правление Клавдия (41–54 н.э.), который был приведен к власти преторианской гвардией, было отмечено постоянной борьбой с сенатом и попытками утвердить свою малую семью в ущерб другим представителям рода Юлиев-Клавдиев. Этот император уже был далек от основателя династии Августа в терминах семейной и династической политики, он и его окружение хорошо относились к возникновению культа императора, выражавшегося в попытках жителей италийских городов отмечать правление императора установкой статуй¹⁵. При императоре Веспасиане усилилась пропаганда образа императора, видимо, для того чтобы компенсировать те проблемы, которые возникли у него из-за сложностей, связанных с его признанием римским аристократическим обществом¹⁶. Дальнейшее развитие императорской власти и структур власти империи шло по пути отделения императора от общества и создания независимого от Рима, от италийской и в особенности римской знати аппарата власти.

Подобная модель стала возможна потому, что Поздняя Античность принесла в средиземноморское общество значительные изменения в представления о власти, в социальные структуры, в мирозерцание и способствовала формированию новых властных традиций, которые могли быть восприняты варварскими правителями.

Значительным элементом трансформации структур власти Римской империи были реформы, которые последовали в правление императора Константина Великого и его наследников. В течение Принципата центром власти империи оставался Рим, но для быстрого реагирования на возникавшие на границах проблемы императоры вынуждены были создать ряд имперских столиц в стратегических местах, таких как Милан, Трир и т.д. Однако приход к власти Константина изменил многое, потому что он, будучи выходцем с Балкан, постарался перенести столицу именно туда. За исключением династии

¹⁴ *Peppard M.* The Son of God in the Roman World: Divine Sonship in Its Social and Political Context. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 43–44.

¹⁵ *Osgood J.* Claudius Caesar: Image and Power in the Early Roman Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 62.

¹⁶ *Charlesworth M.P.* Flaviana // *Journal of Roman Studies*. 1938. Vol. 27. P. 54–62; *Jones W.* Some Thoughts on the Propaganda of Vespasian and Domitian // *The Classical Journal*. 1970–1971. Vol. 66. P. 251.

Феодосия I, включавшей Гонория, Аркадия и Феодосия II, остальные императоры вплоть до падения Римской империи на Западе происходили с Балкан¹⁷, что было вызвано сочетанием объективных и субъективных факторов. Основание Константинополя и похороны в нем Константина Великого показали, что Рим отодвинулся на второй план и что возник новый центр власти¹⁸. Таким образом, при императоре Константине и его наследниках произошла существенная смена баланса сил в Средиземноморье, поскольку почти что на два столетия центр сместился на Балканы.

Наследие, оставленное Римской империей варварским королям, состояло в первую очередь в практике власти, сформированной административными структурами империи в провинциях. Именно там в процессе взаимодействия римской власти и местной знати создавались условия, в которых потом могли возникнуть и во многих случаях возникли раннесредневековые варварские королевства. Традиции региональной власти, которые сформировались еще в Поздней Античности и способствовали организации диоцезов, легли в основу варварских королевств. Это выразилось в первую очередь в том, что создание Тетрархии в 293 г. знаменовало регионализацию власти, приведя к разделению империи на Западную и Восточную. Несмотря на то что в идеале Тетрархия предполагала легитимный раздел власти между четверьмя соправителями, каждый из которых имел в своем подчинении один из четырех регионов империи, в реальности ее существование постоянно сопровождалось соперничеством между ними. Легитимные «августы» и «цезари», соправители первой (293–305 гг.) и второй (305–306 гг.) Тетрархий, постоянно стремились изменить заданные разделом 293 г. границы и увеличить свои территории за счет друг друга¹⁹. Идея единства Средиземноморья под властью одной династии постепенно стала уступать приоритету местных интересов. Регионализация выражалась также и в том, что представители империи на местах (в первую очередь префекты и часто — военачальники) уже во II–III вв. имели значительную власть, и именно от них подчас

¹⁷ *Demandt*. Geschichte der Spätantike. S. 185.

¹⁸ *Van Dam R.* The Roman Revolution of Constantine. New York: Cambridge University Press, 2007. P. 59.

¹⁹ *Bleckmann B.* Bemerkungen zum Scheitern des Mehrherrschaftssystem: Reichsteilung und Territorialansprüche // Diokletian und die Tetrarchie / ed. A. Demandt, A. Goltz, H. Schlange-Schöninghen. Berlin: Walter de Gruyter, 2004. S. 76, 80.

зависело окончательное урегулирование возникавших в провинциях проблем²⁰. Данный факт имел большое значение для провинций и регионов Римской империи, многие из которых начали проявлять центробежные тенденции еще до разделения империи на Восточную и Западную и появления коллегии императоров.

Положение дел в Галлии говорит о значительной регионализации интересов местного населения. Уже в III в. граждане империи из галло-римлян, жившие в городах, проявляли достаточную степень самостоятельности в ситуации, когда центральная власть не могла оказать им военную помощь. Например, в 260 г. граждане Тура отразили атаку франков²¹. Иногда эта самостоятельность обращалась против самой римской армии. Например, в 270 г. ополчение граждан Отэна показало свою доблесть уже против римских легионов²². Как только в империи начались административные и структурные преобразования, начал меняться баланс власти, который сложился в этих провинциях. В результате реформ Диоклетиана и Константина значение знати ослабло повсеместно по всей Римской империи, так как большая роль в системе власти стала уделяться военным командирам. Однако местные галльские магнаты никуда не исчезли, о чем свидетельствуют богатые захоронения этого периода²³. Они постепенно стали терять интерес к Римской империи, что привело к появлению местных магнатов, не заинтересованных в сотрудничестве и стремившихся установить свою власть без оглядки на имперские структуры власти.

В наименее романизированных областях Галлии и Испании уже в III в. появились багауды, не выдвигавшие своих узурпаторов, претендовавших на имперскую власть, но представлявшие опасность для администрации провинций этих регионов²⁴. Их восстания зафиксированы также и в середине IV в., в правление императора Констанция,

²⁰ *Corcoran S.* The Empire of the Tetrarchs: Imperial Pronouncements and Government, AD 284–324. Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 249–251, 295.

²¹ *Reinach T.* Le premier siège entrepris par les Francs // *Revue historique*. 1890. Vol. 43. P. 34–46; *Drinkwater J. F.* The Gallic Empire. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1987. P. 94–95. (*Historia Einzelschriften*. 52).

²² *Drinkwater.* The Gallic Empire. P. 37–38, 178.

²³ *Halsall.* Cemeteries and Society. P. 375–76.

²⁴ *Drinkwater J. F.* Roman Gaul: The Three Provinces, 58 BC – AD 260. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1983; *Léon J. C. S.* Los Bagaudas: Rebeldes, Demonios, Mártires. *Revue des Campesinas En Galia E Hispania Durante El Bajo Imperio*. Jaén, 1996.

и в V в.²⁵ Скорее всего, во главе этих движений стояли именно галльские магнаты, не нашедшие своего места в системе власти Римской империи²⁶. Свидетельством того, что галло-римские аристократы стремились проявить себя даже за пределами Галлии, является тот факт, что один из галло-римских аристократов появился со своей дружиной в Восточной империи²⁷.

Появление Тетрархии было предопределено многочисленными актами узурпации власти империи со стороны военачальников и местной знати. Например, во второй половине III в. империя столкнулась с новым кризисом, результатом которого стала так называемая «Галльская империя» (260–274). Она возникла в правление императора Галлиена и представляла собой попытку создать на основе трех галльских провинций своего рода «западную империю». Когда император Валериан был захвачен сасанидским правителем Шапуром I в 259 г., один из соратников Галлиена Постум захватил власть в Германии и объявил себя императором, создав «Галльскую империю»²⁸. Легионы западной части Римской империи — из Германии, Галлии, Испании и Британии — поддержали Постума. Таким образом, фактически появилась новая общность, Западно-Римская империя. Несмотря на подозрительное отношение императора Клавдия II (268–270) к основателю этой империи Постуму, его преемники не проявили никакого интереса к распространению своей власти за территорию Галлии²⁹. Однако подобное положение дел продлилось недолго, потому что в 274 г. к власти пришел

²⁵ Aur. Vict. De Caes. Cap. 3. 16; *LHuillier M.-Cl. Notes sur la disparition des sanctuaires païens* / eds. M. Garrido-Hory, A. Gonzaléz. Besançon, 2005. P. 290; *Thompson E. A. Romans and Barbarians: The Decline of the Western Empire*. Madison: University of Wisconsin Press, 1982. P. 184.

²⁶ *Drinkwater. The Bacaudae of Fifth-Century Gaul; C. Minor, Bacaudae — a Reconsideration, Traditio*. 1996. Vol. 51. P. 297–307.

²⁷ *Life of Daniel the Stylite // Three Byzantine Saints* / transl. E. Dawes, N. H. Baynes. London, 1948. Cap. 60; *Vita S. Danielis // Historiae Seu Vitae Sanctorum* / ed. L. Surius. Köln, 1570. Cap. LX.; *Surius L., Bracco C. A., Lippomano L. Historiae seu vitae sanctorum*. Vatican, 1951.

²⁸ Aur. Vict. De Caes. Cap. 33. 8: «Namque primus omnium Postumus, qui forte barbaris per Galliam praesidebat, imperium ereptum ierat; expulsoaque Germanorum multitudine Laeliani bello excipitur; quo non minus feliciter fuso suorum tumultu periit, quod flagrantibus Mogontiacorum direptiones, quia Laelianum iuverant, abnuisset».

²⁹ *Drinkwater. The Gallic Empire*. P. 242; *Куликова Ю. В. Галльская империя от Постума до Тетриков*. СПб.: Алетейя, 2012.

Аврелиан, который восстановил власть империи над Галлией, Британией и другими отпавшими регионами.

После сокрушения Галльской империи Карин и Нумериан, соправители империи (282–284), постарались полностью предотвратить повторение подобных событий. В результате Нумериан присвоил себе титул «*Britannicus maximus*», «победитель Британии»³⁰. Однако несмотря на это в правление Диоклетиана Караузий практически безраздельно правил Британией³¹. Его власть не распространялась на Галлию, но вскоре прецедент повторился, и власть в Британии, а затем в Галлии захватил Аллект, правивший с 293 по 296 г.³² Таким образом, уже в III в. на северо-западе империи стала складываться общность, интересы которой не совпадали с интересами империи в целом.

Создание Тетрархии во многом было результатом признания необходимости территориального разделения власти со стороны императора и его ближайшего окружения. Более того, императоры сами стали опираться на регионы, чтобы найти поддержку своим амбициозным планам. В результате успешных кампаний Констанция власть империи в Британии снова была восстановлена³³. Однако система Тетрархии привела к неожиданным результатам. После смерти Диоклетиана, августа Востока, и Констанция, августа Запада, вся власть была сосредоточена в руках цезаря Востока Галерия. Константин не упустил возможности и был провозглашен императором в Йорке. Вместе с официальным письмом он послал также свое изображение в императорских регалиях³⁴. Парадоксальным образом император, который послужил объединению империи в IV в. и способствовал ее консолидации благодаря принятию христианства в качестве государственной

³⁰ Dessau H. *Inscriptiones latinae selectae*. Vol. 1. Berlin: Weidmann, 1892. № 608.

³¹ Aur. Vict. De Caes. Cap. 39. 20–21 // MGH Auctores antiquissimi / ed. H. Droysen. Vol. 2. Berlin: Weidmann, 1879. P. 1–182. Cap. XXI: «Per haec tempora etiam Carausius, qui vilissime natus strenuae militiae ordine famam egregiam fuerat consecutus, cum apud Bononiam per tractum Belgicae et Armorici pacandum mare accepisset, quod Franci et Saxones infestabant, multis barbaris saepe captis nec praeda integra aut provincialibus reddita aut imperatoribus missa cum suspicio esse coepisset, consulto ab eo admitti barbaros, ut transeuntes cum praeda exciperet atque hac se occasione ditaret, a Maximiano iussus occidi purpuram sumpsit et Britannias occupavit Eutropius». См. также: Eutrop. Brev. Cap. XXI–XXII.

³² Aur. Vict. De Caes. Cap. 39. Eutrop. Brev. Cap. XXI–XXII.

³³ Eutrop. Brev. Lib. IX. Cap. 23; Aur. Vict. De Caes. Cap. 39.

³⁴ Barnes T.D. *Constantine and Eusebius*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. P. 28–29.

религии, опираясь на региональное самосознание, ранее уже получившее свое выражение в деятельности нескольких узурпаторов.

В 337 г., после смерти Константина Великого, Запад и провинции Галлии отошли его сыну Константину II. Одновременно была создана должность префекта претория Галлии³⁵. С этого момента в Галлии стали формироваться представления о единстве этого региона и о его месте в иерархии средиземноморских областей, которые распространялись в среде галло-римской знати и иногда разделялись представителями коллегии императоров и их военачальниками. Отметим, что уже в «Записках о галльской войне» Цезаря прослеживается внутренняя неоднородность галльского общества и постоянные конфликты между различными племенами. Узурпаторы продолжали появляться, несмотря на создание Тетрархии. Они не соблюдали правила раздела власти, заложенного в изначальных соглашениях Диоклетиана с соправителями. С 350 по 353 г. у власти в Галлии и Британии находился Магн Магненций, который ранее был командующим (комитом) при императоре Константе (337–350). Когда против последнего был составлен заговор, войска провозгласили Магна Магненция императором. Он сумел получить поддержку населения Британии, Испании и Галлии и попытался договориться с императором Констанцием II, однако тот не признал его власти. После этого в нескольких битвах Магненций был разбит³⁶. В 383 г. легионы Британии провозгласили своим императором Магна Максима. Он перебрался в Галлию, чтобы, опираясь на силы этого диоцеза, распространить свою власть на всю империю и стать августом³⁷. Интересно, однако, что и Магненций, и Ветранио на своих монетах пользовались теми образами, которые были созданы Константином Великим, и стремились опираться на память о нем как на символ своего имперского достоинства³⁸.

³⁵ *Burns T.S.* Barbarians within the Gates of Rome: A Study of Roman Military Policy and the Barbarians, ca. 375–425 A.D. Bloomington: Indiana University Press, 1994. P. 58.

³⁶ *Zosim.* Hist. Nova. Lib. II. Cap. 58; *Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 532; *Drinkwater J.F.* The Revolt and Ethnic Origin of the Usurper Magnentius (350–353), and the Rebellion of Vetriciano (350) // *Chiron*. 2000. Vol. 30. P. 131–159.

³⁷ *Jones, Martindale, Morris.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2. P. 316.

³⁸ *Van Dam R.* Remembering Constantine at the Milvian Bridge. New York: Cambridge University Press, 2011. P. 49.

Галлия, как и некоторые другие регионы, всегда была склонна к сепаратизму. Однако в отличие от Британии, в Галлии ни одна из этих попыток не закончилась однозначным принятием узурпаторов галло-римским населением. Узурпаторы, которые пытались выступать от имени Рима в Галлии, опирались по большей части на солдат и не имели широкой поддержки со стороны населения. Багаудов же следует рассматривать как совершенно другой феномен, потому что их предводители никогда не претендовали на власть от имени Рима. Однако сознание жителей провинций Галлии, так же как и сознание самих правителей империи и их военачальников, оставалось достаточно консервативным. Все попытки узурпации римской власти (как то: попытки правителей Гальской империи, Караузия, Аллекта) были направлены не на свержение империи и не на распространение своей власти в Рим и другие провинции империи. Наоборот, они были нацелены на то, чтобы приблизить аппарат римской администрации к провинциальной жизни, и не заявляли претензий на господство над всем Средиземноморьем.

1.2. Создание региональных структур власти в IV в. и регионализация сознания: Юлиан Отступник и Аммиан Марцеллин

Процессы, запущенные императором Константином Великим (306–337) и продолженные другими представителями балканских династий, имели непосредственное влияние на ход формирования власти в Западном Средиземноморье, т.е. на Иберийском полуострове и в Галлии. В качестве отправной точки, с которой можно начинать отсчет процесса регионализации в сознании даже самых консервативно настроенных социальных групп Римской империи, можно назвать время Аммиана Марцеллина (ок. 325/330 — ок. 391/400), историка, подражавшего Тациту. В своих «*Res gestae*» ему удалось отразить все противоречия в образе империи, появившиеся после создания Тетрархии.

Говоря о регионализации империи, следует в первую очередь обратить внимание на то, как Аммиан Марцеллин описывает взаимоотношения центра и периферии и какова, по его мнению, роль отдельных провинций в системе власти Римской империи. Галлии, история которой является важнейшим сюжетом нашего исследования, также было уделено достаточно места.

Изучение «Римской истории» («Res gestae») Аммиана Марцеллина показывает начало процесса формирования в рамках Римской империи особого типа власти в провинциях, который впоследствии привел к созданию уже раннесредневековых политических образований. Отметим, что для этого государственного деятеля и военачальника, происходившего родом из Антиохии, многие аспекты истории и функционирования структур власти в Средиземноморье выделялись немного иначе, чем Цезарю или Тациту. В частности, для воспитанного в традициях древнегреческой и эллинистической метафизики Аммиана идея о римском *orbis terrarum* выделялась совсем по-другому, нежели потомкам и преемникам Октавиана Августа. В частности, тот факт, что Констанций подписывал документы как владыка всего мира (*dominus orbis terrarum*), он рассматривал как бессмысленное с точки зрения устройства космоса и вселенной занятие в силу ее бесконечности³⁹. В этом стремлении Констанция мы можем углядеть нормальную для властителей Рима практику, начатую еще Октавианом Августом, видеть свою власть как вечную и независимую от превратности обычной жизни, которая отразилась во многих аспектах этой эпохи. В частности, императорские титулы *perpetuus* и *semper* имели своей целью показать вневременной характер власти императора⁴⁰. Отношение к границам Римской империи подразумевало ее господство над всем миром⁴¹. То, что для римлян считалось нормой представлений об основах власти императора, для образованного представителя властных и интеллектуальных элит восточного Средиземноморья представлялось не имеющим особого символического значения. Если

³⁹ Amm. Marc. *Rer. Gest.* XV. 1. 4: «Namque etiam si mundorum infinitates Democriti regeret, quos Anaxarcho incitante magnus somniabat Alexander, id reputasset legens vel audiens quod ut docent mathematici concinentes ambitus terrae totius, quae nobis videtur immensa, ad magnitudinem universitatis instar brevis optinet puncti» (Если бы он правил бесконечными мирами Демокрита, о которых под влиянием Анаксарха мечтал Александр Великий, то и тогда ему следовало бы сообразить, — о чем он мог читать или слышать, — что, согласно учению всех математиков, объем Земли, которая кажется нам огромной, является по отношению ко всей Вселенной одной лишь маленькой точкой (перевод здесь и далее дан по изданию: Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. с латин. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни; вступ. ст. Л. Ю. Лукомского. М.: Алетейя, 1996)).

⁴⁰ *Demandt.* *Geschichte der Spätantike.* P. 189.

⁴¹ Nicolet C. *Space, Geography, and Politics in the Early Roman Empire.* Ann Arbor: University of Michigan Press, 1991. P. 15–56, 171–188. (Jerome Lectures. 19); Graham M. W. *News and Frontier Consciousness in the Late Roman Empire.* Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2006. P. 42, 44.

Констанций считал, что власть императора распространялась на всю Землю, то для Аммиана, знавшего античную греческую философию, это было немного самонадеянным утверждением. Если правитель империи считал себя владеющим всем миром, то Аммиан, наоборот, говорил о «многих мирах» и сводил его власть всего лишь к одному из них. Этот комментарий имел и чисто практическое и политическое измерение, потому что при истолковании в сугубо властных терминах эти слова буквально сводили власть императора к его собственному «миру» двора и одной из имперских столиц (например, Милану). De facto именно так и была устроена Римская империя в момент написания Аммианом своей работы. Как показывают исследования, столицы к III в. переместились ближе к границам, и императоры всё больше тяготели ближе к местам, где постоянно требовалось присутствие римской армии⁴².

Галлия интересовала Аммиана прежде всего потому, что именно здесь Юлиан получил императорскую власть и добился единоличного правления над всей империей. Однако заметим, что Аммиан Марцеллин не ограничился только сюжетами, связанными с Юлианом. Например, в XV книге «Римской истории» он посчитал необходимым привести этнографическую информацию об этой провинции. Источниками для него послужили Тацит и, возможно, другие античные историки⁴³. Образ Галлии, который создал Аммиан Марцеллин, состоял как из его собственных впечатлений от пребывания в этом регионе⁴⁴, так и из классических представлений, взятых из сочинений Юлия Цезаря и других авторов с целью позаимствовать у них шаблон описания этого региона⁴⁵. Рассказ о Галлии мог бы показаться топосом, если не сравнивать его с другими частями сочинения Аммиана Марцеллина.

В «Res gestae» мы не найдем подобного развернутого описания других регионов Римской империи. Возможно, это связано с общей целью сочинения, и Галлия занимает в нем такое место по причине

⁴² Millar F. The Emperor in the Roman World (31 BC — AD 337). Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1977.

⁴³ Amm. Marc. Rer. Gest. Lib. XV; Barnes T. D. Ammianus Marcellinus and the representation of historical reality. Ithaca, NY, 1998. P. 97–98; Woolf G. Saving the barbarian // Cultural identity in the Ancient Mediterranean / ed. E. S. Gruen. Los Angeles, 2011. P. 272.

⁴⁴ Barnes. Ammianus Marcellinus. P. 97.

⁴⁵ Woolf. Saving the barbarian. P. 265.

особого отношения автора к императору. Вероятно, именно в Галлии император Юлиан зарекомендовал себя хорошим военачальником и правителем⁴⁶. Историк подчеркнул, что регион стал фактически опорой для Юлиана и помог ему стать августом и единоличным правителем империи. Фактически таким образом этот позднеантичный историк сравнил Юлиана с Цезарем, восхождение которого к власти и, соответственно, создание империи началось именно с победы в Галлии и превращения ее в плацдарм римской военной мощи на Западе.

Более того, описывая походы и победы Юлиана в этом диоцезе, Аммиан показал, что регионализация сознания и повышение роли отдельных регионов имели место даже в высших кругах империи. После своих удачных кампаний в Галлии Юлиан, несмотря на свой статус «цезаря», попросил у префекта претория Галлии возможность быть полноправным наместником провинции Бельгики Второй⁴⁷. Юлиан не стал довольствоваться прерогативами соправителя императора, так как его отношения с Констанцием оставляли желать лучшего, и сделал всё, чтобы обрести статус единоличного правителя Бельгики. Это событие послужило основой для договоренностей между Римской империей и франками, потому что из последующих источников мы узнаём о фактическом договоре о союзнчестве⁴⁸. По сути своей, подобного рода решение Юлиана заложило основу для такого положения вещей, которое в будущем привело к созданию суассонского «королевства франков» во главе с Эгидием. Фактически исследователями высказывается предположение о том, что этот договор о союзнчестве или по крайней мере те обстоятельства, которые сложились после определенных договоренностей в землях, служивших местом проникновения и расселения франков на территории Римской

⁴⁶ *Rohrbacher D.* The Historians of Late Antiquity. London: Routledge, 2002. P. 243.

⁴⁷ *Amm. Marc. Rer. Gest. Lib. XVII. Cap. 3. 6:* «Inusitato exemplo id petendo Caesar inpetraverat a praefecto ut secundae Belgicae multiformibus malis oppressae dispositio sibi committeretur ea videlicet lege, ut nec praefectianus nec praesidialis apparitor ad solvendum quemquam urgeret, quo levati solatio cuncti, quos in cura <...> separat suam, nec interpellati ante praestitutum tempus debita contulerunt» (Цезарь упросил префекта предоставить ему — чему не было примеров — управление Второй Бельгией, пострадавшей от различных бедствий, на условии, что ни один чиновник префекта или правителя провинции не будет принуждать никого к уплате податей. Почувствовав это облегчение, все <...> без дополнительных напоминаний платили то, что с них причиталось, раньше установленного срока).

⁴⁸ *Rouche. Clovis.* P. 541.

империи, неизменно поддерживались франками вплоть до падения Римской империи на Западе в 476 г. Об этом свидетельствует тот факт, что франки в 460-е гг. не приняли в качестве своего правителя Хильдерика, отца Хлодвига, и выбрали вместо него Эгидия⁴⁹. Последний выбрал в качестве опоры римскую провинцию Галлия Бельгика (после реформы Диоклетиана в 300 г. разделенную на провинции Бельгика Первая и Бельгика Вторая) и был провозглашен императором в Лютеции (Париже) в 360 г.

Следует вспомнить, что среди достижений императора Юлиана, о которых Аммиан Марцеллин написал с большим уважением, были кампании против аламаннов, отразившие их атаки. Это была явная попытка автора противопоставить Юлиана, успешного в этом отношении, его предшественнику и двоюродному брату Констанцию II, который также вел кампании против аламаннов, но, узнав о происках своего двоюродного брата Констанция Галла, вынужден был срочно заключить с ними мир и предпринять что-то в отношении своего родственника⁵⁰. Таким образом, несмотря на похожие действия Констанция II и Юлиана, именно последний заслужил высокую оценку со стороны Аммиана Марцеллина. Это говорит о том, что в целом сочинение этого историка имело апологетический характер в отношении Юлиана и критический в отношении Констанция II.

Взгляд Аммиана Марцеллина на события, связанные с правлением Юлиана, выстраивается на основе той же сюжетной канвы, которая присутствует у двух других историков Поздней Античности, Евнапия и Зосима. Аммиан, так же как и современные ему историки, в том числе и Евтропий, видел империю единой и не разделял ее на восточную и западную части. В частности, уделяя много внимания провинциям, Аммиан Марцеллин рассматривал их не как самостоятельные части империи, а прежде всего как систему пограничных укреплений, являвшихся частью единой военной структуры Римской империи⁵¹.

⁴⁹ Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 12; James. Childéric. P. 12; MacGeorge. Late Roman warlords. P. 111–137.

⁵⁰ Amm. Marc. Rer. Gest. XIV. 10. 16.

⁵¹ Drijvers J. W. The Limits of Empire in the Res Gestae of Ammianus Marcellinus // Frontiers in the Roman World. Proceedings of the Ninth Workshop of the International

Однако в «Res gestae» присутствует дисбаланс в изображении взаимоотношений центра и периферии, имперских структур власти и отдельных провинций. Так, описывая триумф Констанция в Риме, Аммиан подчеркивал несоответствие имперских претензий августа и живые республиканские традиции этого города⁵². Сравнивая поведение императора в провинциях и в Риме, историк парадоксальным образом подчеркнул, что Констанцию пришлось добиваться в последнем признания величия, которым он уже обладал в провинциях⁵³. Данный факт свидетельствует, что для Аммиана Марцеллина величие некоторых императоров в провинциях было менее значимым, чем возможность получить поддержку «Вечного города». Более того, в его изложении Констанций вынужден был повести себя с уважением к республиканским традициям Рима и в частности не навязывать свое мнение горожанам, когда дело дошло до определения результатов победителей спортивных игр, организованных по его инициативе⁵⁴. Таким образом, одной из главных дихотомий сознания

Network Impact of Empire. Durham, 16–19 April 2009 / ed. O. Hekster, T. Kaiser. Leiden: Brill, 2011. P. 13–29.

⁵² Amm. Marc. Rer. Gest. Lib. XVI. Cap. 10. 2: «Nec enim gentem ullam bella cientem per se superavit, aut victam fortitudine suorum conperit ducum, vel addidit quaedam imperio, aut usquam in necessitatibus summis primus vel inter primos est visus, sed ut pompam nimis extentam rigentiaque auro vexilla et pulchritudinem stipatorum ostenderet agenti tranquillius populo haec vel simile quicquam videre nec speranti umquam nec optanti» (Самолучно он не победил никакого народа, находившегося в войне с Римом, не получил также вести о поражении какого-нибудь народа благодаря доблести своих полководцев, не прибавил новой области к римской державе, никогда не видели его в трудную минуту на поле брани первым или в числе первых. Но он хотел показать блистательную процессию, сверкающие золотом знамена, великолепную свиту мирному народу, не имевшему надежды увидеть когда-либо что-нибудь подобное и даже не мечтавшему об этом).

⁵³ Ibid. Lib. XVI. Cap. 10. 9: «Augustus itaque faustis vocibus appellatus minime vocum lituorumque intonante fragore cohortuit, talem se tamque immobilem, qualis in provinciis suis visebatur, ostendens» (Приветственные выкрики его императорского имени и отдававшиеся звуки рогов оставляли его невозмутимым, и он выказывал себя таким же величавым, каким видели его в провинциях).

⁵⁴ Ibid. Lib. XVI. Cap. 10. 13–14: «...et saepe, cum equestres ederet ludos, dicacitate plebis oblectabatur nec superbae nec a libertate coalita descendentis, reverenter modum ipse quoque debitum servans. Non enim, ut per civitates alias, ad arbitrium suum certamina finiri patiebatur, sed ut mos est variis casibus permittebat» (...часто веселил его, когда он давал конные игры, острый язык римской толпы, не впадавшей в дерзкий тон, но и не терявшей в то же время прирожденного ей чувства свободы, и сам он соблюдал в отношениях с народом должную меру внимания. Так, он не определял лично исхода состязания

в поздней Римской империи стали неравноправные отношения между империей и Римом, между светскими и военными структурами, базировавшимися в имперских столицах (в Милане, Трире, Константинополе и т. д.) и в провинциях, и городом, где были заложены основы империи.

Итак, в изложении Аммиана Марцеллина Юлиан оперся на Галлию, чтобы усилить свою власть, а Констанций, наоборот, вынужден был, хотя и не очень удачно, искать поддержки своей власти в «Вечном городе», не имея возможности опереться на свою власть в провинциях как на козырь. Фактически это было отражение противостояния между двумя регионами империи, властные элиты которых стали соперниками в результате переноса столицы на Балканы при Константине Великом. Это противостояние между имперскими структурами власти, балканскими провинциями и Галлией, нашедшее свое выражение в сочинении Аммиана Марцеллина, дает возможность понять, что, несмотря на признание однородности устройства империи, даже Аммиан был вынужден подчеркнуть разницу интересов, восприятия традиций и принципов власти между империей и отдельными провинциями. Не умаляя особой роли Рима в Западной Римской империи, он в своем сочинении признавал растущую на тот момент самостоятельность западных провинций.

Рассмотренные выше аспекты воззрений Аммиана Марцеллина отличаются от взглядов современных ему историков и, следовательно, заставляют задуматься о его объективности. Достоверность высказанной им точки зрения относительно особой роли Галлии в делах империи нуждается в подтверждении. Важно понять, было ли такое отношение к Галлии характерным только для Аммиана и что по этому поводу думали другие историки Поздней Античности. В целом, говоря о его методе, исследователи подвергли сомнению достоверность изложенных им событий и обратили внимание, что для Аммиана литературное обрамление и риторическая красота были важнее, чем точность изложения⁵⁵. Кроме того, историки не раз ставили вопрос,

по собственному усмотрению, как то делал в остальных городах империи, но, согласно обычаю, предоставлял это игре случая).

⁵⁵ *Rosen K.* Ammianus Marcellinus. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1982. (Erträge der Forschung. 183); *Elliott T. G.* Ammianus Marcellinus and Fourth Century History. Sarasota, Fla.: S. Stevens, 1983; *Barnes.* Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality; *Teitler H.* Ammianus on Valentinian. Some Observations //

из каких источников он брал свою информацию. Они указывают также на особенность Аммиана умалчивать о важных фактах⁵⁶. Исследователи давно отметили сходство двух рассказов о Юлиане, записанных Аммианом Марцеллином и греческим историком Зосимом. Но хотя Зосим жил позже, чем Аммиан, возможность заимствования сюжетов восточно-римским историком и чиновником из сочинения, написанного по-латыни, признается всеми исследователями маловероятной. Считается, что сходство объясняется тем, что Зосим, по видимому, воспроизвел в своем рассказе сюжеты, впервые описанные в «Истории» Евнапия, к сожалению, не дошедшей до нас в полном объеме. Таким образом, возникает вопрос о соотношении сочинений Евнапия и Аммиана Марцеллина. Традиционно считалось, что история Евнапия, поскольку она включает события до 404 г., была написана не ранее 395 г., т. е. после того, как было написано сочинение Аммиана Марцеллина. Таким образом, перед исследователями встала задача разобраться в сочинениях этих трех позднеантичных историков.

В результате было установлено, что труд Аммиана Марцеллина не мог служить Евнапию источником⁵⁷. Вероятно, последний взял свою информацию из мемуаров Орибазия, придворного медика Юлиана. Однако анализ текстов Аммиана Марцеллина и Евнапия так и не позволил выработать единое мнение. Недавно было выдвинуто предположение, что Аммиан сам использовал в качестве основы сочинение Евнапия. Это утверждение базируется на гипотезе, что Евнапий закончил свое сочинение не в 404 г., как считалось ранее, а уже в 380 г.⁵⁸ Несмотря на уверенность ряда исследователей, стремившихся подать эту гипотезу как факт, по-прежнему актуальной остается точка зрения, согласно которой Аммиан Марцеллин

Ammianus after Julian. The Reign of Valentinian and Valens in Books 26–31 of the *Res Gestae* / eds. J. den Boeft et al. Leiden: Brill, 2007. P. 59–60. (Mnemosyne, Bibliotheca Classica Batava. Suppl. 289).

⁵⁶ Fontaine J. Le Julien d'Ammien Marcellin // L'empereur Julien. De l'histoire à la légende (331–1715) / eds. R. Braun, J. Richer. Paris, 1978. P. 50.

⁵⁷ Bowersock G. W. Julian the Apostate. Cambridge: Harvard University Press, 1978. P. 7.

⁵⁸ Chalmers W. R. Eunapius, Ammianus Marcellinus, and Zosimus on Julian's Persian Expedition // *Classical Quarterly*, N. s. 1960. Vol. 10. P. 152; Bowersock G. W. Gibbon and Julian // Gibbon et Rome à la lumière de l'historiographie moderne / ed. P. Ducrey. Genève, 1977. P. 207–208; Bowersock. Julian the Apostate. P. 8.

напрямую взял информацию о правлении Юлиана из мемуаров Орибазия, а не из Евнапия⁵⁹. Таким образом, считается, что Аммиан Марцеллин опирался либо на «Историю» Евнапия, либо на мемуары придворного медика. Достоверным по-прежнему остается только то, что истории правления Юлиана у Евнапия и Аммиана в значительной степени идентичны.

Аммиан Марцеллин и Зосим сходятся в описании политики и кампаний Юлиана в Галлии. Оба ни разу не подвергли сомнению военную тактику цезаря и его административные способности⁶⁰. Однако, несмотря на общую сюжетную канву, взгляды Аммиана Марцеллина на историю и состояние Римской империи непохожи на взгляды Евнапия или Зосимы. Для Зосимы империя была едина, а правление Констанция в качестве августа и Юлиана в качестве цезаря являло собой пример согласия между представителями династии Константина I Великого, а обычная для Восточно-Римской империи тема недоверия августа к цезарю была списана на недоверчивый характер первого. Греческий историк умалчивает о противоречиях между соправителями, и в его истории Констанций незаметно исчезает из поля зрения, уступая дорогу Юлиану.

Если говорить о ментальном восприятии римской элиты и таких историков, как Аммиан Марцеллин, то напрашиваются следующие выводы. Несмотря на то что значение Галлии не слишком превозносятся, она играет определенную роль. Рискнем предположить, что особое положение этого региона в первую очередь было обусловлено тем, что он являлся своеобразным наследием, оставленным Римской империи первым императором Юлием Цезарем. Для Аммиана Юлиан стал новым цезарем и августом, вернувшим империи классическую римскую религию, и по своей военной доблести он был фактически приравнен к Юлию Цезарю. Главной исторической заслугой императора IV в., по мнению Аммиана Марцеллина, было восстановление порядка в Галлии, завоеванной создателем империи и пришедшей в запустение в первой половине IV в.

Однако у Аммиана Марцеллина появляется ряд тем, которые напрочь отсутствуют у упомянутых выше историков. Созданию

⁵⁹ *Paschoud F. Cinq études sur Zosime. Paris: Belles Lettres, 1975. P. 177–179. (Collection d'études anciennes).*

⁶⁰ *Zosim. Hist. Nova. Lib. III.*